

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th St., New York 19.

ЧЕХОВСКИЙ ВЕЧЕР

Впечатления

«Чеховский вечер — самый интересный за двадцать шесть лет моего пребывания в Америке».

Это мнение, высказанное в дружеской беседе на второй день после вечера Литературного Фонда, хотя и страдает преувеличением, но зато верно отражает самое главное — изображение в слове и искусстве образа русского писателя во всем его духовном величии и неотразимой обаятельности.

Тон вечеру дал Марк Слоанин в своем, превосходном по форме, и ярком по начертанному рисунку, вступительном слове.

Не останавливаясь на содержании доклада М. Слоанина, превосходно переданном И. Троцким, кому лишь отметить особенно удивительную манеру докладчика. Выступление Слоанина, краткое и яркое, оставило в публике впечатление полной гармонии между содержанием доклада и его формой. Первое дополнялось вторым, и сразу внесло в зал атмосферу единого «порыва к Чехову».

Д-р Гр. И. Альтшуллер создал настроение интимности, и как бы вплотную приблизил слушателя к чеховской эпохе, к среде и массам, окружавшим писателя в его короткой, но неиссякаемой творчеством, жизни. Особенно трогала в слове д-ра Альтшуллера та скромность и сдержанность, которая так близка характеру честного писателя. Оратор, казалось, многого не договаривал, и с особенной осторожностью отнесся к теме, как бы боясь лишним словом нарушить благоговейное отношение слушателя к тени любимого писателя.

С большим вниманием и с соответствующим моменту настроением прослушала публика Трио Чайковского. На концерт публика отозвалась двумя противоречивыми мнениями об исполнении произведения. Одни утверждали, что Трио Чайковского — одна из самых задушевных композиций автора «Евгения Онегина» и что исполнение Трио вполне отвечает замыслу концерта — памяти писателя — духовидца. Другие говорили, что вещь устарела и представляет сегодня чисто академический интерес. Но и те, и другие сошлись на том, что лучших исполнителей, чем Надя Рейзенберг (рояль), Роман Тоттенберг (скрипка) и Лунджи Сильва (виолончель) — не найти. А общее мнение публики было такое, что Надя Рейзенберг на этот раз «превзошла себя» в блеске и виртуозности исполнения и вдохновенного толкования Трио Чайковского.

Огромные трудности представляет инсценировка художественного произведения в форме чтения, а не действия. Описательная часть рассказа обыкновенно при этом опускается, отсутствуют костюмы, грим, приближающие актера к образу.

Зрителю остается догадываться, что дама, облаченная в скромное черное вечернее платье — не кто иная, как девица, вынужденная «подрабатывать» средствами, мало имеющими общего с профессией хористки. Из такого положения на сцене выход можно найти только в искусстве художественного и выразительного чтения.

Это и помогло Марине Фиори и Лидии Шалипиной объяснить публике трагическую конъюнктуру, при которой настоящим презрением Чехов заклеил не бедную, прикованную к позорному столбу «хористку», а погрязшего в пошлости и мещанском пред-

ставлении морали ее покровителя и его жену. О том, что исполнение «Хористки» имело успех на вечере, свидетельствуют те громкие и продолжительные аплодисменты, которыми весь зал награждал исполнителей инсценировки: Шалипину, Фиори и Бело-стоцкого.

Одна из самых очаровательных юмореск Чехова — «Длинный язык» — не нуждается ни в особенной сценической постановке, ни в декорациях и реквизите. Особенно это стало ясно, когда и роли болтливой дамочки, невольной жертвы своего длинного языка, выступила Женни Грей, которая и своими внешними данными, и своим бесспорным, и сейчас уже признанным дарованием комедийной актрисы, блестяще оживила эту роль в отчетном вечере-концерте.

В свое время тема о проводниках-татарах не сходила со страниц русских юмористических журналов. Приключения светских барынь, искавших утешения от хмурых скуки в столичных гостиницах, устремлявшихся в благодатный Крым и там искавших «перемены обстановки» в обществе татар-проводников, неоднократно высмеивались в русской литературе. И приходится удивляться, что через более чем пол-столетия чеховский рассказ на эту тему не потерял своей яркости и убедительности, несмотря на то, что эти бедные Ахметы и Сулейманы давно уже вымерли в снегах Сибири. Живучесть чеховского рассказа объясняется, однако, очень просто.

Только при умении видеть то, чего не замечают другие, только при острой наблюдательности и реальности изображения можно было показать эту обладающую длинным языком так, что она дожила до наших дней, и будет жить дальше. Надо признать, что Женни Грей уловила эти черты изображаемого типа. Нельзя было услышать в ее игре ни одной фальшивой интонации, ни одного неверного звука, увидеть ни одного искусственного жеста. До того неприятельно, просто и неприужденно «врал» эта светская барынька, так увлекалась собственной «искренностью», что можно было поверить даже в существование старого Крыма с его проводниками — татарами. А Андрей Седых, как бы сознательно уйдя в тень своим репликами, только способствовал успеху своей партнерши.

Корректно и в приятном салонном тоне конферировал Иван Елагин.

Так прошел этот «самый интересный за двадцать шесть лет Чеховский вечер».

Л. Камышников